

ДЖИН СТРАТТОН-ПОРТЕР



ПЕСНЬ
КАРДИНАЛА

роман

Джин Страттон-Портер

Песнь Кардинала

«Автор»

2026

Страттон-Портер Д.

Песнь Кардинала / Д. Страттон-Портер — «Автор», 2026

В центре этой удивительной книги — красный кардинал, певчая птица, чья жизнь с самого начала складывается необычно. Вылупившись из необычно крупного яйца в Лимберлостском болоте, он быстро становится гордостью родителей, а затем отправляется в самостоятельное путешествие. Так начинается его история: поиск дома, тоска по спутнице, долгая и нежная погоня за робкой самкой, строительство гнезда, появление птенцов и бесконечная песня, которая разносится над рекой. Но «Песня кардинала» — это не только жизнь птицы. Это ещё и история фермера Абрама, в котором алый певец пробуждает забытую радость и нежность. Их дружба становится символом того, как природа способна исцелять, объединять и напоминать о самом важном. Роман американской писательницы Джин Страттон-Портер — гимн красоте дикой природы, тонкий и наблюдательный, полный живых деталей и неподдельной теплоты. Написанный в начале XX века, он и сегодня звучит удивительно современно, возвращая нам способность удивляться, любить и беречь.

© Страттон-Портер Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Джин Страттон-Портер

Песнь Кардинала

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Перед вами — «Песнь кардинала», первая книга американской писательницы и натуралиста Джин Страттон-Портер (1863–1924). В начале XX века её романы расходились миллионными тиражами: один только «Freckles» (1904) разошёлся почти в два миллиона экземпляров, а к 1910-м годам общая аудитория её книг достигала пятидесяти миллионов читателей по всему миру. Её произведения переведены более чем на двадцать языков, а восемь из них были экранизированы.

Страттон-Портер выросла на ферме в Индиане, младшим из двенадцати детей. Детство, проведённое среди лесов и болот, навсегда определило её путь: она стала не только писательницей, но и фотографом дикой природы, и страстным защитником окружающей среды. В 1917 году она добивалась законодательной охраны Лимберлостского болота — того самого места, которое стало главной сценой для многих её книг. Её творчество пронизано убеждением, что общение с природой — ключ к нравственной чистоте.

«Песня кардинала» (1903) — это поэтичная и трогательная история жизни птицы - красного кардинала, от вылупления из яйца в Лимберлостском болоте до первых шагов во взрослой жизни, первой любви и создания семьи. Это не просто повествование о птице. Это — гимн красоте и хрупкости мира вокруг нас, написанный с восхитительной точностью натуралиста и теплотой романиста.

Книга, помимо прочего, была призвана повлиять на отношение охотников к диким птицам. В центре сюжета — не только пернатый герой, но и фермер Абрам, в котором Страттон-Портер воплотила любовь к своему отцу, Марку Страттону. Старик, чьё сердце оттаивает при виде алой птицы, становится голосом автора, напоминая, что подлинная красота и радость жизни — в умении видеть и беречь.

В этом издании мы стремились передать живой, образный язык оригинала, избегая тяжёловесных конструкций и сохраняя атмосферу американской глубинки начала XX века. Перед вами — не сухой пересказ, а литературная проза, которая, надеемся, подарит вам то же чувство удивления и восторга перед миром природы, которое испытывал сам Кардинал, распевая свою песню на ветвях старого сумаха.

Редактор

ПЕСНЬ КАРДИНАЛА

Джин Страттон-Портер

В ЛЮБЯЩУЮ ПАМЯТЬ О МОЁМ ОТЦЕ МАРКЕ СТРАТТОНЕ

«Для него каждое творение Божие открывало новую, доселе неведомую красоту».

Глава 1



— Бодрей! Бодрей! — ликовал Кардинал. Он носился по апельсиновой роще, выискивая к завтраку слизней, а в промежутках раскачивался на ветках и разносил над землёй свою весть — бодрость и надежду. Песня его переливалась радостью: для него настала пора праздника, беззаботной игры. Южный мир был залит солнцем, пестрел цветами, ломился от плодов и кишел насекомыми — никаких забот, только купайся, пируй и радуйся жизни. Неудивительно, что песня его звучала как обещание будущего счастья: всё прошлое Кардинала было соткано из него. Кардиналу едва исполнился год, но хохолок у него взлетал высоко, бородака топорщилась чёрной щетинкой, а размерами и окраской он был просто чудом. Старые отцы семейств, пережившие не один перелёт, рядом с ним казались мелкими, а их оперение, линявшее сезон за сезоном, выглядело тусклым. Когда он мчался меж деревьев на своих стремительных крыльях, казалось, будто по роще проносится живое пылающее сердце. Прошлым летом Кардинал вылупился далеко на севере, в птичьем раю — Лимберлосте. Там на тысячи акров тянутся чёрные трясины — под летним зноем и зимними снегами. Мутные заводи, кочкарники, высокие топи. Лесные великаны тянутся к небу или, обросшие бархатистой слизью, лежат в пятнистых солнечных плёсах, а подлесок почти непроходим. Болото было для птиц словно огромный накрытый стол. Дикий виноград взбирался к самым вершинам высоких деревьев, раскидывался над ветвями шатрами, а его свисающие гирлянды колыхались на ветру, точно шёлковая бахрома. Птицы нежались в тени, обдирали кору, собирали сухие завитки для гнёзд и лакомились пряными плодами. Стаями галдели они над дикими вишнями, набивали зобы красным боярышником, дикой сливой, папайей, ежевикой и мандрагорой. Ольха по краям болота манила тех, кто искал ягоды, а болотные травы и сорняки гнулись под тяжестью любителей семян. Трясина кишела червями; всё болото пылало цветами, чьи краски и запахи притягивали несметные полчища насекомых и бабочек. Дикие лианы вспыхивали в кронах красным и золотым, а шмели и колибри наперебой грабили медоносные трубочки цветов. Воздух над дикими сливами и боярышником гудел от крыльев миллионов диких пчёл, и пчелоеды объедались до отвала. Тяжёлые болотные запахи привлекали тучи насекомых, а мухоловки кувыркались и металась в воздухе, гоняясь за ними. В каждом дупле ютилась колония летучих мышей. Под кустами грелись змеи. Водяные жители, пересекая лагуны, оставляли за собой сверкающую рябь. Черепахи неуклюже перебирались с бревна на бревно. Лягушки ловко перепрыгивали из одной заводи в другую. Всё, что только водилось в этих краях, — подземное, ползучее, плавающее, крылатое, — можно было встретить в Лимберлосте; но превыше всех были птицы. Изысканные зелёные пеночки вили гнёзда в кронах, а красноглазые виреоны выбирали места пониже. Это была родина колокольчиковых птиц, вьюрков и дроздов. Там жили стаи чёрных дроздов, граклов и ворон. Сойки и пересмешники беспрестанно ссорились, болотные крапивники не умолкали ни на минуту. Иволги развешивали на ветках свои гнёзда-кошельки и вместе с танаграми пировали на шелковице и объедались насекомыми. По вечерам козодой бесшумно скользили на крыльях; лесные козодой затягивали жалобную песню, тянущуюся далеко за полночь; совы наслаждались лунным светом и обилием добычи. На заре малиновки будили новый день призывом: «Бодрей! Бодрей!» — а чуть позже большие чёрные грифы взмывали в поднебесье или висели там, точно застывшие кляксы, высматривая пищу в Лимберлосте и его окрестностях. Гудение выпи разносилось по округе весь день, и поверх него прорывался скрежещущий крик голубой цапли, наводивший ужас на лягушек; изредка плач заблудившейся гагары, отбившейся от стаи во время северного перелёта, наполнял болото заунывными звуками. Среди крон Лимберлоста сверкали птицы, чьи краски были ярче самого пышного цветка, обращённого к свету и воздуху. Лилии на трясины не были белее белых цапель, ловивших среди них рыбу. Самая спелая метёлка золотарника не так золотилась, как отполированное золото на груди иволги, качавшейся на ней. Сойки были синее зарослей айра, над которыми горланили.

Вьюрки — нежнее пурпуром, чем железница. На каждый горящий в Лимберлосте пучок лисичек приходился кардинал, пылавший на кусте ещё ярче. Их, может, и не было больше, чем других птиц, но ослепительная окраска и бесстрашный нрав создавали именно такое впечатление. Кардинал вывелся в чаще шиповника и ежевики. Его отец был старым, крепким вдовцом, опытным и с переменчивым нравом. Это был самый крупный, самый задиристый красный самец во всём Лимберлосте, и среди себе подобных он царствовал безраздельно. Пересмешники, королевые мухоловки и сорокопуть обходили его стороной, и даже вечно сварливые сойки не набирались смелости ему перечить. Через несколько дней после последней утраты он увидел славную молодую самку, полную сил, и так ею увлёкся, что не давал ей покоя, пока она не приняла его ласк и не принесла первый пруттик к дикой розе. Ей льстило стать подругой царя Лимберлоста; и если в глубине души у неё и шевелился мимолётный страх перед этим властелином, она его не показывала, потому что и сама была птицей не робкого десятка. Гнездо она выбрала с настоящим вкусом и рассудительностью куда более опытной строительницы. Ни змее, ни белке нелегко было бы пробраться в ту колючую чащу. Едва белые ягодные цветы переставали манить тучи насекомых, как сладость роз привлекала их снова; а к тому времени, когда розы отцветали, в пределах досягаемости уже поспевали крупные сочные ягоды, и за ними тянулись охотники до еды. Строила она тщательнее, чем обычно. Гнездо вышло красивое, совсем не такое неряшливое, как у её родичей по всему болоту. В нём ясно чувствовалось стремление к форме чаши, а выстлано оно было аккуратно сухими травинками душистой болотной травы. Но по-настоящему королева кардиналов отличилась, когда снесла первое яйцо. Она была здоровой, красивой птицей, полной любви и радости от своего первого гнезда, и настолько превзошла саму себя, что потом с трудом могла бы убедить кого-нибудь, что это и впрямь её работа. Ей даже пришлось пустить в ход клюв и крыло, защищая это яйцо от самца: таким необычайно крупным оно было, что иначе его было не убедить — никакая пронырливая птица сюда ничего не подложила. Король был уверен, что с яйцом что-то неладно, и хотел выкатить его из гнезда; но королева знала своё и отчаянно за него вступилась. Её положение упрочилось, когда она снесла ещё три. После этого король решил, что ему досталась птица не из обычных, и отправился искать развлечений; а королева уселась насиживать — сама радостная вера и безмятежность. В те долгие дни, когда жара становилась нестерпимой, а король мало заботился о её удобстве и пропитании, она прижимала к груди четыре яйца и терпеливо ждала. Большое яйцо было её сокровищем. Она окружала его особенной заботой. Много раз на дню поворачивала его; и всякий раз к груди оно ложилось как-то иначе, чем остальные. Оно, разумеется, вылупилось первым, и королева чувствовала бы себя вознаграждённой, даже если бы остальные не оправдали надежд; потому что это яйцо проклюнулось со звонким стуком, и ещё прежде, чем пух как следует обсох на крупном терракотовом тельце, молодой Кардинал уже поднялся и громко потребовал еды. Король прилетел взглянуть на него — и сразу признал своё поражение. У него было много многообещающих сыновей-кардиналов, но такого он ещё не видел. Лимберлост загремел его ликующими откликами. Он неустанно разыскивал самые спелые ягоды и лучшие семена. С утра до ночи пичкал этого птенца и каждый раз, когда приносил еду, заставлял его стоящим над остальными и требующим добавки. Королева гордилась им не меньше и так же безрассудно обожала его, но вела счёт и каждого второго червя по очереди отдавала остальным. Те тоже были необыкновенно хорошими птенцами; но что может значить просто хороший птенец в семье, где есть чудо? Кардинал был крупнее любых двух других птенцов вместе взятых, и таким красным, что даже пух на нём отливал багрянцем; красными были кожа и даже лапки. Он первым взобрался на край гнезда и первым прыгнул на ветку. Он удивил родителей, сам найдя слизня, и так далеко улетел в свой первый полёт, что обожающая мать чуть не лишилась чувств от страха — вдруг силы ему изменят и он рухнет в болото на съедение голодной старой черепахе. Однако он благополучно вернулся, и король так обрадовался, что разыскал для него особенно спелую ягоду и, усевшись перед ним, дал

первый урок языка. Конечно, Кардинал умел кричать «пи!» и «чи!» ещё в тот день, когда проклюнулся; но король научил его чётко и выразительно цвиркать, и в тот же день он узнал, что самцы кардиналов всегда кричат «чип!», а самки — «чук!». Мало того: он учился так быстро и вообще был так наблюдателен, что, прежде чем король счёл нужным дать ему следующий урок, уже сидел на ветке, сомкнув клюв, надувая горлышко и упражняясь в родовых призывах: «Пшеница! Пшеница! Пшеница!», «Сюда! Сюда! Сюда!» и «Бодрей! Бодрей! Бодрей!» Это так обрадовало короля, что он насвистывал их снова и снова, помогая малышу как мог. Он так гордился им, что уже в ту же ночь дал ему первый урок: как правильно прятать голову под крыло и засыпать одному. Через несколько дней, убедившись в силе его крыльев, он перешёл к науке полёта. Учил, как расправлять крылья и мягко планировать от дерева к дереву; как лететь короткими ломаными дугами, уходя от прицела охотника; как резко разворачиваться в воздухе и бросаться в погоню за жуком или врагом. Учил, под каким углом встречать сильный ветер, и тому, что бурю всегда следует принимать грудью, чтобы вода стекала по оперению. Первый урок купания имел оглушительный успех. Кардинал любил воду, как утка. Он купался, плескался и резвился до тех пор, пока мать чуть не сошла с ума от страха: как бы он не приманил водяную змею или черепаху. Но страха в его натуре не было. Он научился сушиться, прихорашиваться и чистить перья и проявлял такую редкую гордость, заботясь о своём внешнем виде, что, хотя был ещё совсем птенцом, уже обещал стать птицей выдающейся. Многие пернатые обитатели Лимберлоста прилетали на него посмотреть. Потом король облетел с ним всё болото и научил выбирать места, где лучше искать червей; как шарить под листьями в поисках тли и слизней; какие ягоды хороши и безопасны, и какие сорняки дают больше самых лучших семян. Он показал, как находить крошечные камешки для перетирания пищи и как точить и полировать клюв. Затем начались настоящие музыкальные уроки, и король научил его насвистывать, заливаться трелями и выводить рулады. — Бодрей! Бодрей! — напевал король. — Ку-чер! Ку-чер! — подражал Кардинал. Эти песни были ещё только старательным повторением, но в голосе его уже слышались глубина и сила, обещавшие величие в будущем, когда возраст разовьёт его, а опыт пробудит чувства. Для птенца он был превосходным музыкантом. Вскоре он так хорошо научился заботиться о себе — находить еду и летать, — и вырос таким большим и самостоятельным, что совершал по Лимберлосту долгие вылазки в одиночку; а размеры его были так внушительны, нрав так напорист, что никто не решался причинить ему вред. Похоже, царствованию старого короля скоро должен был прийти конец; но если тот и опасался этого, виду не подавал, и гордость за своего замечательного отпрыска всегда была у него на виду. Исследовав болото вдоль и поперёк, Кардинал почувствовал жажду простора; день за днём он задерживался на опушке, глядя на широкие обработанные поля, и едва не изнывал от желания испытать крылья в одном долгом, высоком, вольном полёте. И вот пришёл день, когда летний зной заставил болото парить. Кардинал летел у самой опушки, поймал ветер с возвышенности, и вид широких полей, уходивших к северу, так его соблазнил, что он расправил крылья и, по возможности держась линии деревьев и изгородей, совершил своё первое путешествие из дому. День был так упоителен, что решил его судьбу. Казалось бы, болота, которые так ценили его родичи, должно было хватить и ему, — но нет. С каждой милей полёта в нём всё сильнее росло ощущение собственной мощи, всё острее становилась любовь к широкому простору полей и лесов. Сердце его билось от восторга, когда он качался на ветру, мчался сквозь солнечный свет и парил над бесконечной чередой колышущихся кукурузных полей и перелесков. Чем дальше он летел своим прямым, неутомимым полётом, тем больше духота и замкнутость Лимберлоста казались ему тюрьмой, из которой он счастливо вырвался. Пересекая поле наполовину созревшей кукурузы, спускавшееся к реке, Кардинал увидел там множество кормящихся птиц и опустился на высокое дерево понаблюдать. Вскоре он решил, что тоже хочет попробовать эту новую пищу. Он нашёл место, где ворона аккуратно вскрыла початок, и, уцепившись за листву, как делали другие, вытянулся во весь рост и вонзил свой сильный острый клюв в

молочное зерно. После удушливой болотной охоты, после долгого захватывающего перелёта — качаться на этом колышущемся початке и пить густое молоко зёрен было для Кардинала первым вкусом нектара и амброзии. Добравшись до золотистого ядра, он поднял голову, раскрошил его на мелкие кусочки, попробовал и одобрил со всей радостью гурмана, открывшего для себя дивное новое блюдо. Возможно, в следующем поле было ещё что-нибудь вкусное. Он уже решил лететь дальше, но пролетел немного и вдруг свернул к югу: внизу оказалась длинная сверкающая ползучая вещь, окаймлённая ивами, над которыми поднимались гигантские платаны, клёны, тюльпанные деревья и вязы, ловившие ветер и покачивавшиеся на нём; и что это такое, Кардинал не знал. Полный изумления, он спускался всё ниже и ниже. Птицы были повсюду; многие летали над этой странной вещью и ныряли в неё; но её чистое, струящееся серебро оставалось для Кардинала загадкой. Прекрасная река поэзии и песен, которую первыми открыли индейцы, а потом вместе с французами называли Уобаш; извилистая сверкающая река, любимая Логаном и Ме-шин-го-ме-сиа; единственная река, способная увести Ва-ка-ко-на от Саламони и Миссисиневы; река, под серебряными платанами и гигантскими клёнами которой вождь Годфри разводил свои лагерные костры, — никогда не была прекраснее, чем в тот волшебный осенний день. Плотно прижав перья, Кардинал опустил на иву и, высунувшись вперёд, посмотрел вниз, дрожа от волнения и выкрикивая отрывистое: «чип! чип!» — потому что там, перед ним, был большой красный птиц, и вид у него был совсем не мирный и не робкий. Кардинал бросил ему дерзкое «чип!» вызова — и в ту же секунду услышал ответ. Он вскинул хохолок, полуприподнял крылья, напрягая их у основания; птица напротив сделала то же самое. В изумлении он выпрямился во весь рост и ловко шагнул в сторону — и та, другая, тоже выпрямилась и шагнула. Для Кардинала это было уже слишком. Напрягая каждую мышцу, он со всей решимостью ринулся на дерзкого незнакомца. Он ударился о воду с такой силой, что брызги взлетели выше ив; и зимородок, сидевший на пне напротив и следивший за отмелями в поисках пескарей, всё это видел. Он разинул клюв и разразился дребезжащим хохотом, пока его голос не пошёл гулять эхом от мыса к мысу вниз по реке. Кардинал едва понял, что произошло, как только выбрался на берег, но урок усвоил. Эта прекрасная сверкающая ползучая вещь была водой; не густой, тёплой, чёрной болотной водой, а чистой, прохладной, серебряной. Он отряхнулся, чувствуя, что от стыда стал ещё краснее, но не позволил смеху прогнать себя прочь. Ему было слишком хорошо. Скоро он осмелел настолько, что спустился и сделал глоток, — и это был первый настоящий напиток в его жизни. О, как же это было хорошо! Когда жажда, разгоревшаяся от зноя и долгого перелёта, была утолена, он решился искупаться — и это оказалось новым, восхитительным опытом. Как он плескался, как разбрызгивал серебряные капли! Как нырял, мокнул и остывал в этой струящейся воде, где мог оставаться сколько угодно и плескаться вдоволь: он видел дно далеко вокруг и легко мог уйти от всего, что вздумало бы ему повредить. Когда купание закончилось, он промок так сильно, что едва добрался до куста, чтобы обсушить и пригладить перья. Снова приведя себя в полный порядок, он вспомнил о той водяной птице и вернулся к иве. Там, в глубине сверкающей реки, Кардинал увидел себя — и сердце его надулось законной гордостью. Неужели эта широкая, полная грудь — его? Где он видел другого кардинала с таким высоким хохолком, что тот развевался на ветру? Какие у него были большие чёрные глаза, а борода почти такая же длинная и щетинистая, как у отца. Он расправил крылья и любовался их размахом, поворачивался, вертел хвостом. Снова занялся своим туалетом и пригладил каждое перо. Он прочистил затылок основанием крыльев и, засовывая под них голову, медленно вытаскивал её раз за разом, чтобы пригладить хохолок. Он поворачивался, изгибался, покачивался, гарцевал, и каждый миг, когда взгляд его схватывал собственную статью и красоту, наполнял его гордостью. Он важничал, как павлин, и стрекотал, как сойка. Когда восхищаться больше, казалось, было уже нечем, его внимание привлекло другое. Стоило ему «чипнуть», как с того берега доносилось ответное «чип»; но раз кардинала там не было, значит, он слышал собственный голос, так

же как видел себя. Выбрав приметный насест, он послал через воду резкое: «Чип!» — и оно вернулось к нему тем же тоном. Тогда он чипнул мягко и нежно, как делал в Лимберлосте, обращаясь к любимой сестрёнке, часто прилетавшей посидеть рядом на клёне, где он спал, — и так же мягко и нежно пришёл ответ. Тут Кардинал понял. «Пшеница! Пшеница! Пшеница!» — насвистел он, то выше, то ниже. «Бодрей! Бодрей! Бодрей!» — пропел то нежно, то резко, то повелительно. «Сюда! Сюда! Сюда!» На этот звонкий приказ птицы, сколько хватало голоса его зова, слетались к реке посмотреть, в чём дело, и оставались в восхищении. Снова и снова он выводил все рулады, какие только мог придумать. Он сделал отчаянную попытку залить всё трелью и руладами, а потом, с самым радостным сердцем, какое только знал до той поры, разразился звонкой песней: — Бодрей! Бодрей! Бодрей! Когда наступил вечер, он забеспокоился и медленно полетел обратно в Лимберлост; но этот день навсегда испортил его как болотную птицу. Ночью он беспокойно ерошил перья и втягивал ноздрями ветерок с лугов. Ему вспоминались и кукуруза, и прозрачная вода. Он любовался своим отражением в реке и тосковал по звуку собственного голоса, пока во сне не начинал бормотать: «Пшеница! Пшеница! Пшеница!» На самой заре малиновка разбудила его песней: «Бодрей! Бодрей!» — и он сонно ответил: «Бодрей! Бодрей!» Позже малиновка запела снова, с изысканной мягкостью и нежностью: «Бодрей, милая! Бодрей, милая! Бодрей! Бодрей! Бодрей!» Кардинал, проснувшись окончательно, прокричал во всё горло: «Бодрей! Бодрей!» — и вскоре уже был на пути к сверкающей реке. Там оказалось ещё лучше, чем прежде, и каждый следующий день заставлял его то пирующим в кукурузном поле, то купающимся в сверкающей воде; но с наступлением сумерек он неизменно возвращался к семье. Когда чёрные заморозки начали раздевать Лимберлост и пища почти свелась к сухим семенам, настал день, когда король собрал своих подданных и подал волшебный знак. С наступлением сумерек он повёл их на юг, милю за милей, пока дыхание не сбилось, а крылья не заныли от непривычного перелёта; но благодаря своим вылазкам к реке Кардинал был сильнее других и легко держался наравне с королём. Рано утром, ещё до того, как проснулись малиновки, король опустил в Эверглейдс. Но Кардинал уже разлюбил болотную жизнь и упрямо отправился в путь один; вскоре он нашёл другую реку. Она была не так восхитительна, как та сверкающая, и всё же тоже хороша, а на её пологом берегу росла апельсиновая роща. Там Кардинал отдохнул и устроил себе зимний дом по собственному вкусу. На следующее утро в рощу, рука об руку, пришли маленькая девочка с золотистыми волосами и старик с белоснежными кудрями. Девочка увидела красную птицу и тотчас объявила её своей, и в тот же день вышел указ: кто обидит Кардинала или хотя бы напугает его, тому несдобровать. Так, в полной безмятежности и безопасности, потянулась череда дней чистого блаженства. Роща кишела насекомыми, которых приманивали тяжёлые ароматы, а кора деревьев была полна слизней. Пировать здесь было почти так же хорошо, как в Лимберлосте, а в реке всегда можно было напиться и вдоволь наплескаться. В те дни девочка и старик подолгу задерживались в роще, наблюдая за птицей, которая с каждым днём, казалось, становилась всё крупнее и ярче. Какое зрелище представляло его оперение — теперь уже густого кардинальского алого цвета — на фоне восково-зелёных листьев! Каким большим и блистательным казался он, когда носился и играл среди кремовых цветов! Как девочка стояла, сложив руки, и боготворила его, когда он, раздувая горлышко, раскачивался на самой высокой ветке и снова и снова выводил свой ободряющий припев: «Бодрей! Бодрей!» Каждый день они приходили смотреть и слушать. Они сыпали ему крошки, и Кардинал стал таким дружелюбным, что встречал их быстрым: «Чип! Чип!» — а восхищённая девочка старалась повторять за ним. Вскоре они так сдружились, что, заметив их приближение, он звал мягко: «Чип! Чип!» — а потом, склонив голову и сверкая бусинками-глазами, ждал её ответа. Иногда кто-нибудь из его эверглейдских родичей залетал в рощу, и Кардинал, уже чувствовавший себя здесь хозяином, возмущался вторжением и преследовал гостя огненной стрелой. Всякий такой бродяга возвращался в болото с твёрдым сознанием, что кардинал апельсиновой рощи чуть ли не вдвое

крупнее и сильнее его и поразительно красен. Однажды с севера потянул нежный ветерок. Он всколыхнул апельсиновые ветви, разнёс тяжёлый аромат по земле и дальше, к морю, а взамен принёс прохладный, тонкий, пряный запах. Кардинал поднял голову и свистнул вопросительную ноту. Он не был уверен и продолжал искать слизней, пророча счастье полнозвучными нотами: «Бодрей! Бодрей!» Но запах снова пронёсся по роще — на этот раз так сильно, что ошибиться было уже нельзя. Кардинал метнулся на самую верхнюю ветку, хохолок его взлетел, хвост нервно дёрнулся. — Чип! Чип! — закричал он с настойчивым возбуждением. — Чип! Чип! Теперь ветер дул резко и ровно, совсем не так, как прежде, потому что в его прохладном дыхании слышались ледяные поля, тающие под солнцем. Влажное прикосновение шло от весенних ливней, омывавших лицо северной земли. Тонкий запах был смесью бесчисленных разворачивающихся листьев и хрустящей зелени, пробивавшейся вверх; пряный аромат несли серёжки, полные пыльцы. Там, в земле Лимберлоста, старая матушка-природа с хриплым ворчанием принималась за свою ежегодную уборку. Своей верной метлой, мартовским ветром, она выметала каждый уголок. Своим ведром для мытья, полным апрельских ливней, умывала лицо всего творения; а если и этого ей казалось мало, наводила последний лоск градовыми бурями. Сверкающая река разлилась до краёв; ломая лёд и неся мусор, она катилась к морю. Лёд и снег ещё не сошли до конца, но давно беременная земля уже рожала своих детей. Она вздрагивала на каждом шагу, потому что почва кишела жизнью. Жуки и черви выбирались к свету и теплу. Раздвигая над собой перегной и прошлогодние листья, печёночницы, фиалки и другие ранние цветы поднимали нежные золотисто-зелёные головки. Сок шёл в деревья, и безлистные ветви покрывались набухшими почками. Нежные мхи расползались по каждому гниющему бревну и сучку. Лишайники на камнях и изгородях заново окрашивались в бесчисленные оттенки серого и зелёного. Бесчисленные цветы и выющиеся растения поднимались, чтобы укрыть собой прошлогоднюю гниль. «Прекрасные нестриженные волосы могил» ползли по лугам, стелились вдоль дорог и закрывали каждое голое пятно. Лимберлост оживал раньше полей и реки. Зимой он был самым голым и унылым местом на свете; теперь же первые знаки возвращающейся весны звучали в его военной музыке, потому что когда зелёная древесная лягушка поёт, а бык-лягушка барабанит, скоро к ним присоединяются и птичьи голоса. Первыми распускались серёжки; потом, в невероятно короткий срок, флаги, тростники и лианы становились морем колышущейся зелени, и набухшие почки готовы были лопнуть. На возвышенностях вился дымок над сахарными лагерями и вырубками; в лесах звери пробуждались от долгого сна; сельди начинали свой нескончаемый путь вверх по сверкающей реке; зелёные всходы покрывали холмы и долины; и северная земля была готова принять домой свои драгоценнейшие весенние сокровища. Сверху доносились первые радостные ноты, взятые ближе к Престолу, чем у любой другой птицы: «Весна года! Весна года!»; а длинноногие маленькие зуйки носились над Лимберлостом и у реки, бросая с облачного неба свой крик: «Убей оленя! Убей оленя!» Малиновки в садах вытаскивали из-под снега длинные сухие прошлогодние травинки, чтобы выстлать свои глиняные чаши; синие птицы уже были у дуплистой яблони. На верхней перекладине изгороди голуби собирали свои несколько грубых прутьев и веточек. Какое славное место для колыбели. Старые, ветхие, подгнившие жерди как раз подходили по цвету занятой голубке-матери. Её глаз с красным ободком вписывался в этот фон, как маленькая алая чашечка лишайника. Конечно, никто её не заметит! Лимберлост и сверкающая река, поля и леса, придорожные кусты и изгороди, пни, брёвна, дуплистые деревья, даже голая бурая грудь матушки-земли — всё ждало, чтобы приютить своих; и по какому-то из неисчислимых чудес каждый возвращался на своё место. В воздухе стояло опьянение. Тонкие, пряные, чарующие запахи распускающихся листьев, вымытых талой водой растений и пыльцы серёжек были для человечества настоящим эликсиром. Домашний скот на полях просто пьянел от них, и стада, всю зиму прожившие на сухом корме, выходили на первую траву с высоко поднятыми головами, играя, мыча и носясь, как дикие. Северный ветер, вырываясь из ледяных

твердынь, подхватывал этот запах весны и нёс его к апельсиновым рощам и Эверглейдс; и от одного его дуновения Кардинал, обезумев от возбуждения, огненной молнией заметался по роще, потому что никто его этому не учил, а он всё равно знал, что это значит. Зов пришёл. Праздники кончились. Пора было домой; пора неистовствовать в хрустящей свежести, ухаживать, любить, завладеть своим, играть брачные игры, строить гнездо. Весь день он метался, тревожась перед неведомым и трепеща от сладостного ожидания; но с наступлением сумерек пустился в путь на север. Пролетая над Эверглейдс, он замедлил полёт и несколько раз бросил вниз вызывающее «чип!», но ответа не было. Тогда Кардинал понял, что северный ветер принёс верную весть: король и его подданные уже были впереди, на пути в Лимберлост. Миля за милей, пульсирующий огонь, он прорезал сине-чёрную ночь; и вскоре различил впереди мерцающее тёмное пятно, скользившее по небу. Кардинал летел прямо, ровно, пока сердце его не застучало торжествующе; тогда он взмыл вверх и с высоты бросил вниз хвастливый вызов королю и его спутникам, пронёсся над ними и исчез из виду. Ночь ещё не совсем отступила, когда он пересёк Лимберлост, спускаясь достаточно низко, чтобы увидеть его голые ветви, уловить зелёный блеск набухающих почек и услышать прерывистый хор лягушек. Но в полёте его не было ни тени колебания. Прямо и уверенно он держал путь к сверкающей реке; и оставалось всего несколько миль, когда глаз его различил катящиеся воды весеннего половодья. Стремительно снижаясь, он окунул пылающий клюв в любимую воду, потом взлетел на старый сумах и спрятал голову под крыло, чтобы немного отдохнуть. Он совершил долгий перелёт одним махом, и ему хотелось спать. В полном довольстве он взъерошил перья и закрыл глаза, потому что снова был у сверкающей реки; и ещё не один сезон пройдёт, прежде чем апельсиновая роща опять зазвонит его «Бодрей! Бодрей!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.